

М. Е. Митрофанова, *Финно-угорская лексика в мордовских и марийском языках (этимологический и семантический анализ)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1997.

На заседании совета К 063.72.01 при Мордовском государственном университете 26 июня 1997 г. состоялась защита кандидатской диссертации на тему «Финно-угорская лексика в мордовских и марийском языках (этимологический и семантический анализ)» научным сотрудником Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Правительстве Республики Мордовия М. Е. Митрофановой. Работа выполнена в отделе языкознания института, научный руководитель профессор М. В. Мосин. Официальными оппонентами выступили доктор филологических наук профессор И. Г. Иванов (Йошкар-Ола) и кандидат филологических наук Н. И. Рузанкин (Саранск).

Родственные отношения между марийским и мордовскими народами привлекают внимание ученых различных специальностей. В той или иной мере по этому поводу высказались археологи, этнографы, антропологи и лингвисты. Наибольший интерес к данной проблеме, естественно, проявляют лингвисты. Они нашли намного больше общего между языками этих народов, чем с другими финно-угорскими языками, поэтому мордовские и марийский языки издавна традиционно относили к одной, волжской, ветви финно-угорских языков. Однако в последние десятилетия традиционная точка зрения сравнительного финно-угроведения подверглась сомнению. Высказана мысль о том, что мордовские и марийский языки являются самостоятельными ветвями финно-угорской общности. Мордовскими исследователями версия подхвачена активно. Однако серьезных доказательств пока не приводилось, не было и специальных исследований. Остался неизученным стержневой вопрос проблемы — языковые отношения на современном этапе развития мордовских и марийского языков. Необходимость специального рассмотрения этих отношений на всех языковых уровнях назрела. Отдельные попытки по частным вопросам предпринимались с обеих сторон. Фундаментальная же разработка проблемы еще ждет своего исследователя. Одним из ее этапов, надо пола-

гать, является рецензируемая работа, посвященная анализу мордовско-марийских языковых взаимоотношений на уровне лексики.

Неверно было бы утверждать, что мордовско-марийские лексические отношения совсем не исследованы. В той или иной степени они затрагивались в трудах Г. Березки, Д. Казанцева, И. Галкина и др. Специальной же работы, посвященной описанию общей лексики этих языков, до настоящего времени не было, поэтому актуальность темы, к которой обратилась М. Е. Митрофанова, не вызывает сомнения. Решение поставленной ею задачи требует основательного знания лексики сравниваемых языков, в том числе диалектной, что на данном этапе развития мордовской и марийской лексикографии, к сожалению, невозможно, так как лексическое богатство волжско-финских языков изучено далеко недостаточно, нет полных, всеобъемлющих словарей, плохо освоена диалектная лексика. Все это создавало немало трудностей. Правда, с другой стороны, основная часть общефинно-угорской лексики давно выявлена и это в определенной мере облегчало решение задачи.

В своем исследовании М. Е. Митрофанова поставила цель выявить лексику финно-угорского происхождения в марийском и мордовских языках, установить ее относительную хронологию, выяснить семантические отношения между языками. В работе впервые в финно-угроведческой науке установлены, сгруппированы и подсчитаны одинаковые лексические единицы в рассматриваемых языках, проведена хронологическая систематизация их, общая лексика распределена по лексико-семантическим рядам.

Автор провела большие изыскания по установлению общей лексики в двух языках. Конечно, значительная часть приведенных лексических единиц вообще-то известны науке, но применительно к мордовским и марийскому языкам специально не рассматривались. Заслуга автора в том, что она сконцентрировала их в одном исследовании и распределила по лексико-семантическим группам, установив семантичес-

кие отношения между ними. Таких общих этимологий оказалось более 520 (с. 191), в том числе около 40 единиц выявлено и введено в научный оборот впервые (к сожалению, автор не называет точные цифры). Найти столько новых соответствий, при том что общезинно-угорская лексика в общем-то выявлена почти в полном объеме, задача не простая: уже поэтому рецензируемая работа сравнить эти цифры и количество мордовских слов, общих с эстонским, финским языками, тем более что эти данные имеются в исследованиях М. В. Мосина. Тогда можно было бы увереннее высказаться относительно волжской языковой общности.

Интерес представляет хронологическая систематизация общих финно-угорских слов (с. 192), из которой видно, что в мордовских и марийском языках 98 слов относится к уральскому периоду, 106 — к финно-угорскому, 98 — к финно-пермскому, 98 — к финно-волжскому, 25 — к волжско-финскому. М. Е. Митрофанова тем самым находит только 25 слов, общих для двух сравниваемых языков, тогда как И. С. Галкин на основе лишь обзорного анализа лексики двух языков обнаружил около 50 таких слов, считая список неполным (И. С. Г а л к и н, Марий исторический диалектологий, Йошкар-Ола 1986, с. 32—34). В работе соответствующие слова, к сожалению, отдельным списком не даны, и потому трудно с ходу определить, какие остались не названными, хотя утверждается, что «в особом разделе приведены слова, зафиксированные только в мордовских и марийском языках» (с. 142).

Работа изложена на 215 с. и состоит из введения, трех глав и списка использованной литературы.

В первой главе подробно рассматривается история вопроса. Автор обстоятельно анализирует литературу по марийско-мордовским лексическим взаимоотношениям, основная часть которой использована в исследовании. Но все же некоторые работы остались вне внимания автора, прежде всего это книга И. С. Галкина «Марий исторической лексикологий» (Йошкар-Ола 1986), где имеется специальный раздел об общих словах марийского и мордовских языков, и двухтомное исследование Г. Берецки «Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte» (Szegeed 1992; 1994).

Вторая глава «Лексические соответствия в мордовских и марийском языках» (с.

43—142) представляет собой основную часть исследования. В ней приводится вся общая лексика рассматриваемых языков, распределенная по лексико-семантическим группам. Автор выделяет 10 больших разрядов, каждый из которых разбит на тематические группы. В главе рассматривается, как утверждает М. Е. Митрофанова, более 520 общих этимологий. Думается, это еще не вся общая лексика двух языков, если учесть, что в марийском языке, как утверждают ученые, сохранилось более тысячи слов финно-угорского происхождения. Как в мордовских диалектах, так и в марийских, надо полагать, можно обнаружить еще немало общих слов.

С выводами второй главы в целом можно согласиться. Основные соответствия в рассматриваемых языках приведены. Они убедительны, не вызывают особых сомнений и в подавляющем большинстве своем объективно отражают существующее положение. Приведенный список общих слов в целом должен быть признан. Однако ряд соответствий вызывает сомнения как в фонетическом, так и в семантическом плане. К ним, по нашему мнению, относятся такие соответствия, как морд. *уське* 'провода' ~ мар. *важ* 'руда' (с. 80), морд. *исьяк* 'вчера, наемни' ~ мар. *кызыт* 'сейчас' (с. 82), морд. *мейле*, *меле* 'после, позже' ~ мар. *мӱнгеш* 'обратно, назад' (с. 83), морд. *карамс* 'рыть, просверлить, копать' ~ мар. *куралаш* (с. 86, здесь скорее *кораиш*, *караиш* 'бороздить, делать канавку'), морд. *лачо* 'доска, сиденя, клин' ~ мар. *лач* 'точно, как раз', морд. *майт*, *матор* 'погреб' ~ мар. *вынем* 'яма' (с. 87), морд. *викшемс* 'вышивать' ~ мар. *бӱльше* (не точно, надо *вӱльше*, этимология: из *вӱльб* 'кобыла' и *шӱй* 'шея'), морд. *el*, *äl* 'подол' ~ мар. *öltö* 'охапка' (с. 91, в марийском языке действительно имеется слово *öltö*, но в значении 'клин в рубашке', с ним возможно сопоставление) и т.д. Подобных сомнительных параллелей набирается около 40. Вот еще некоторые примеры: *латякарь*, *атякарь* ~ *лаптыра*, *нула* ~ *нумалаш* (с. 92), *оршамс*, *шамс* ~ *вургем*, *сиве* ~ *шӱша* (с. 93), *шляамс*, *штамс* ~ *шӱялташ* (с. 95), *почаня* ~ *почангаиш*, *суро* ~ *шаршудо* (с. 97), *суро* ~ *шӱраш* (с. 98), *чангамс* ~ *бронгг*, *терть* ~ *тер* (с. 101). Многие из приведенных соответствий извлечены из авторитетных источников, тем не менее и они нуждаются в уточнениях, перепроверке. Исследователю следовало проявить более критическое отношение к ним.

В то же время здесь можно было дать и дополнительные параллели, например, вместо мар. *kəgəš* — *курыш* (с. 89), к слову *сјав* 'чешуя' вместо мар. *шўм* — *сјўд* 'кострика', для морд. *эно*, *ино*, *ино* 'да, так' имеется точное соответствие — мар. диал. *эно* 'да, так'.

Третья глава «Семантические корреляции в общей лексике мордовских и марийского языков» (с. 143—189) посвящена анализу семантического развития финно-угорской лексики на материале мордовских и марийского языков. Лексические параллели здесь рассмотрены по следующим семантическим типам: $A = A + B$ или $A + B = A$ (общность первичной формы слов — неравнозначность семантического объема), морд. $A + B... = \text{мар. } A + B...$ (первичное значение корневой морфемы + дополнительные значения в сравниваемых языках). Рассматриваются также слова, имеющие нетождественные значения, типа морд. *андомс* 'накормить, покормить' ~ мар. *омдаш* 'скопиться (о молоке в вымени)'. На основе подробного анализа многих слов общего происхождения исследователь пришла к выводу, что наряду с глубокой общностью в финно-угорской лексике сравниваемых языков в процессе их самостоятельного развития возникли значительные различия в их семантике, которые появились под влиянием социально-исторических и внутриязыковых процессов» (с. 189).

Оценивая работу в целом положительно, хотелось бы отметить ряд упущений и неточностей. Прежде всего необходимо обратить внимание на неточное фиксирование примеров из марийского языка. В работе, по видимому, не проведена тщательная выверка их. В примерах не обозначены буквы *й*, *ѳ*, *н*, *ѳ*, неверно зафиксированы отдельные слова и т.д., например: *ѳгы*, *ѳгы-выд* вместо *йогы*, *йогывѳид*, *кэрэк* вместо *кырык*, *муланде* вместо *мўланде* (с. 77), *улно* вместо *ўлно* (с. 83), *сануа* вместо *сѳнга*, *выд* вместо *вѳид* (с. 78), *тяний* вместо *тений* (с. 84), *кыр* вместо *кўр*, *выл*, *вылы* вместо *вўл*, *вўлынѳ* (с. 86), *шудыш*, *шудуки* вместо *шўдыш*, *шўдыки* (с. 87), *ѳнгеж* вместо *йонгеж* (с. 102), *кѳгарš* вместо *кўрš* (с. 107), *янгыж* вместо *эныж* (с. 147) и т.д.

Иногда одно и то же марийское слово приводится в качестве лексической параллели для нескольких, разных слов мордовских языков, например, мар. *шўч* приводится как параллель к морд. *седь* (с. 84), *сод* (с. 80), мар. *мўнгеш* — к морд. *мейле* (с. 83) и *мекев*

(с. 84), мар. *кышкар* — к морд. *кечказ*, *кячказ* (с. 102), *качкаске* (с. 103) и *кичкаре*, *кичкаор* (с. 121).

И наконец, еще одно замечание касается общего вывода исследования. Нам кажется, что в заключении следовало дать свой вывод, сделанный на основе сопоставления общей лексики двух языков, по спорному вопросу: куда же отнести мордовские и марийский языки? Ведь, надо полагать, именно с этой целью главным образом и была предпринята разработка данной темы. Правда, проскользнуло выражение «двух ветвей волжских языков» (с. 186), но аргументированного вывода, сделанного на базе анализа лексики, рецензент не обнаружил. Непонятно все же, какой версии придерживается М. Е. Митрофанова.

Отмеченные упущения, конечно же, не снижают общей значимости работы, написанной на достаточном научном уровне. Впервые в финно-угроведении общая лексика двух языков дана в виде отдельного списка. Работа является весомым вкладом в исследование лексических взаимоотношений финно-угорских языков, а также в решение проблемы волжско-финской общности. Существенна практическая значимость работы. Ее положения, выводы и результаты могут быть использованы в преподавании курсов современной и исторической лексикологии, финно-угроведения в вузах, при составлении сравнительных, диалектологических, этимологических словарей, в исследованиях по лексикологии мордовских и марийского языков и т.д.

В заключение из чисто исследовательского любопытства хочется поставить вопрос: а что если попытаться провести аналогичное исследование с другой стороны — исследователем, в совершенстве знающим марийский язык? Автор рецензируемой работы прекрасно знает мордовский материал, но недостаточно владеет марийским — она получила один результат. Весьма любопытно, какой же результат получится, так сказать, в «перевернутом» исследовании. Предвижу возражение — наука объективна, истина одна. Верно, но владение материалом различно — и это влияет на результаты. Объединив их впоследствии, можно приблизиться к той самой объективной истине. Подобная мысль была высказана и при защите диссертации.

ИВАН ИВАНОВ (Йошкар-Ола)